НОВАЯ ГАЗЕТА

СЮЖЕТЫ • ОБЩЕСТВО

Под Крестами

Город снова болтается ненужным привеском возле своих тюрем. И не только Петербург — вся страна

Вид на здания следственного изолятора «Кресты-2» в Колпино. Фото: Антон Ваганов / ТАСС

19:04, 7 ноября 2026,

Виктория Артемьева

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать по этой ссылке или отсканировав QR-код ⟶

18+. НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЕ «НОВАЯ ГАЗЕТА» ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЕ «НОВАЯ ГАЗЕТА»

— А это вы можете описать
И я сказала:
— Могу.
Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом.
(Анна Ахматова, из предисловия к поэме «Реквием»)

«А может быть, это его Бог от чего-нибудь более страшного уберег», — говорит мать о сыне, куря около тюремной стены.

В дни передач с самого утра у дверей комнат приема вытягиваются очереди — из женщин в основном. Все уже знают друг друга, и пока не скрежетнет где-то замок и не откроется дверь — у всех обмен новостями: «Как твой? А мой! А мы! Пишет, что сигареты раздал все. А вам письма-то передали?» Смех, бывает — крики, ругань и полная боевая готовность.

> Через пару рукопожатий все стоящие в этих очередях матери, отцы, жены, мужья, сестры, сыновья и дочери оказываются друг с другом знакомы, даже если живут в разных концах

> России, — особенно если родные сидят по одной и той же статье. Особенно — если политэки.

И когда приходит сюда впервые новая женщина, еще плачущая, еще не понимающая, что делать, куда нести, — кто-нибудь обязательно берет ее за руку и проводит по всему маршруту первой передачи: приносить то-то, складывать так-то, отдавать тому-то, здороваться с тем-то, прошение на свидание нести туда-то. Тюремная очередь — одна из главных российских соцсетей. Снова.

Пока не откроется дверь, сидят и гадают: кто сегодня принимает передачи? Это важно. Потому что если вот та улыбчивая, то у нее можно и про дела у сына спросить, и просьбу какую-нибудь передать. А если опять вот эта, то не только ничего не скажет, но и всю передачу при досмотре в фарш перекрошит, и досматривать будет по полчаса каждого. Потому и важно знать — кто? А не важного в таких делах вообще нет.

Опытные, например, знают, что пункт приема пункту приема тоже рознь. Вот в «Новых Крестах», например: приносишь продукты — всё как положено: 15 кг на себе тащишь через весь город, всё аккуратно разложено, упаковано. А при досмотре всё это, если не повезло с принимающим, превращается в кашу: порублен хлеб, овощи, крупа ссыпана в один с ними мешок, — как такое есть? То ли дело на Шпалерке (в СИЗО на Шпалерной в Санкт-Петербурге): на каждый продукт свой ножичек — на мясо один, на овощи другой, и всё аккуратно, и всё по отдельным крафтовым пакетам. И вот пока стоишь перед этим окошечком и срываешь обертки с пачек сигарет — правила такие: сигареты должны быть привезены запакованными, а открываться только на месте, — там, в окошечке, всё это вежливо и аккуратно пересыпают. По-людски!

А совсем уж опытные знают и не такое. Вот про «Кресты» рассказывают: одна мать узнала, что окна камеры ее сына выходят на дорогу, и в дни передач стала выходить и махать — в никуда, просто так: вдруг заметит. И как-то раз заметил, и стал махать в ответ. «Отлично!» — решила мама, и в следующий раз привезла с собой папу. Стоят и машут вдвоем. Сын — в ответ. В семье было пятеро детей… В общем, говорят, не успела на свидание только младшая сестра — тюремщикам пейзаж не понравился, и они переселили парня на другую сторону здания. Впрочем, мать это не остановило.

А по ночам здесь выстраиваются очереди из тех, кто пытается передать передачи или прорваться на свидание. Вообще-то на свидание можно записаться через Госуслуги — точнее, возможно технически. А на самом деле — запись открывается за месяц, и не когда-нибудь, а в три часа ночи. Приходит уставшая мать с работы и сидит, ждет начала записи. Час ждет, два ждет, потом засыпает от усталости. Просыпается под утро с выключенными будильниками — и оказывается, что запись уже закрыта, потому что все места заняли.

И тогда к пяти-шести вечера собирается перед «Крестами» очередь: приезжают семьями, на машинах, и дежурят посменно: один бодрствует, другой в машине спит.

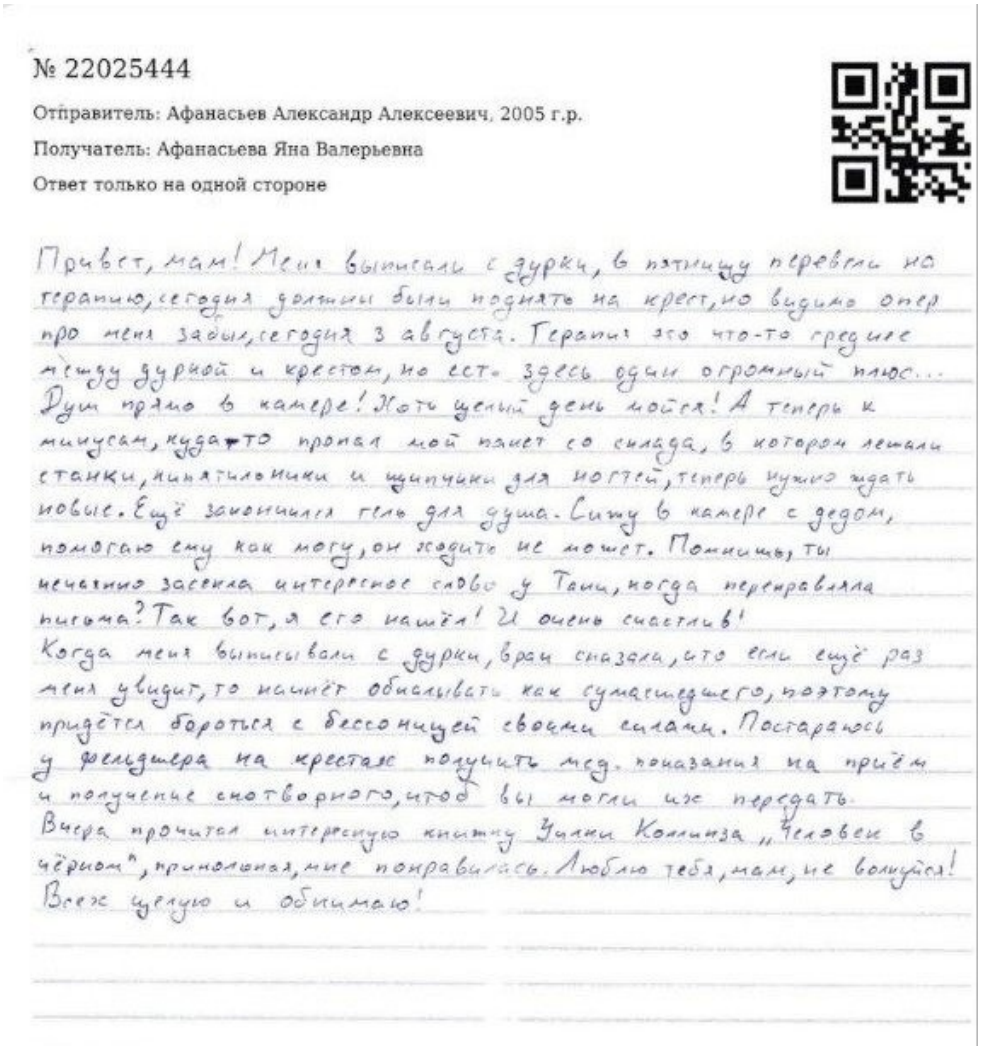
> Это у кого есть машины — у кого нет, те стоят просто так. Даже зимой. И каждые три часа — отмечаются у того, кто очередь открывает. Не отметился — вычеркнули. И до утра.

И вот стоит эта очередь к закрытой двери в пункт приема — и говорит, говорит, пока не скрежетнет замок. И, куря у стены, матери рассказывают про сыновей.

Саша

«Привет, мам! Меня выписали с дурки, в пятницу перевели на терапию, сегодня должны были поднять на Крест. Но, видимо, опер про меня забыл. Терапия — это что-то среднее между дуркой и Крестом, но есть здесь один огромный плюс… душ прямо в камере! Хоть целый день мойся!

Сижу в камере с дедом, помогаю ему, как могу, он ходить не может. Когда меня выписывали с дурки, врач сказала, что если еще раз меня увидит, то начнет обкалывать, как сумасшедшего, поэтому придется бороться с бессонницей своими силами. Люблю тебя, мам, не волнуйся!»

№ 22025444

Отправитель: Афанасьев Александр Алексеевич, 2005 г.р.

Получатель: Афанасьева Яна Валерьевна

Ответ только на одной стороне

Привет, мам! Меня выписали с дурки, в пятницу перевели на терапию, сегодня должны были поднять на крест, но видимо опер про меня забыл, сегодня 3 августа. Терапия это что-то среднее между дуркой и крестом, но есть здесь один огромный плюс... Душ прямо в камере! Хоть целый день мойся! А теперь к минусам, куда-то пропал мой пакет со склада, в котором лежали станки, лезвия-триммеры и щипчики для ногтей, теперь нужно ждать новые. Ещё закончился гель для душа. Сижу в камере с дедом, помогаю ему как могу, он ходить не может. Помнишь, ты недавно засекла интересное слово у Тани, когда перечитывала письма? Так вот, я его нашёл! И очень счастлив!
Когда меня выписывали с дурки, врач сказала, что если ещё раз меня увидит, то начнёт обкалывать как сумасшедшего, поэтому придётся бороться с бессонницей своими силами. Постараюсь у фельдшера на кресте получить мед. показания на приём и получение снотворного, чтоб вы могли их передать.
Вчера прочитал интересную книгу Уилки Коллинза „Человек в чёрном", приключения, мне понравилась. Люблю тебя, мам, не волнуйся!
Всех целую и обнимаю!

Письмо Саши из СИЗО. Предоставлено мамой Саши

«Поднять на Крест» — это значит, перевести в один из корпусов «Новых Крестов». Сленг такой. А «дурка» — это больница при

СИЗО, где автор письма матери, Афанасьев Александр Алексеевич, 2005 г.р., просидел несколько месяцев. Про эту больницу он рассказывал отдельно — ни прогулок, ни книг, ни писем, ни душа недели по две. Не всякий здоровый выдержит, а тут Саша.

Бессонница у Саши с четырех лет — с тех пор, как ему по голове прилетело качелями. Тогда голова начала болеть, и боль эту он чувствовал постоянно — и никакие обследования и врачи не могли ему ничем помочь. Боль стала хронической, и каково это — жить без нее — он помнить перестал.

Весной 2023 года у Саши случился приступ эпилепсии — впервые в жизни. У него остановилось сердце, и приехавшей реанимации с трудом удалось запустить его снова. После этого Саша сильно изменился: начал жаловаться, что не может додумать до конца ни одну мысль — забывает, что было вначале. Не смог сдать на права. Началась депрессия. Стали трястись руки. Сходил к неврологу, стал принимать сильные обезболивающие и антидепрессанты.

> Подбирать антидепрессанты индивидуально никто не стал — прописали просто: эсциталопрам и тиоридазин. На фоне них депрессия усилилась: Саша приходил с работы — с завода, где работал на манипуляторе, — и плакал, хотя раньше не плакал никогда.

Говорил: «Мама, я не знаю, что делать, но у меня постоянно желание (…) [покончить с собой». Потом, в августе, его отвезли в ГМУ имени Павлова, а потом отправили в районный психоневрологический диспансер — с диагнозом: смешанное шизоистероидное расстройство личности (если еще точнее —

органическое шизофреноподобное расстройство F06.28). Всё это было летом, а осенью 2025 года про Сашу, который только что закончил учебу в колледже, вспомнил военкомат.

Военкомат не сразу поверил в то, что Саша к службе не годен, — простого запроса в ПНД ему было мало. Пришлось пройти обследование еще раз — и только после того, как и оно подтвердило его диагнозы, зимой военкомат неохотно оставил Сашу в покое, присвоив категорию «В».

Саша. Фото из личного архива

Потом — Новый год, потом старый Новый год, и в середине января 2026 года родители уехали в командировку в Темрюк, оставив Сашу с младшей сестрой вдвоем. Еще неделю всё было хорошо: сестра училась, Саша работал — а потом Саша позвонил матери и сказал: «На меня взяли кредит».

Было второе февраля, десять часов утра — время, когда Саша, никогда не засыпавший без снотворных и антидепрессантов, обычно еще не поднимался. Его разбудил звонок по телефону: с большим трудом — как всегда это было с утра — соображая, что делает, он ответил на вызов. Звонила неизвестная девушка — сказала, что Саше пришло заказное письмо и что для получения письма нужно продиктовать код, который придет на электронную почту. Долго мучались: девушка почему-то все никак не могла правильно записать адрес. А потом сказала, что не получается отправить письмо на почту, и предложила отправить код по СМС. Саша согласился. Как только пришло сообщение, Саша назвал код — правда, как он потом говорил, тут же подумал: «Зачем я это сделал — ведь предупреждают же код никому не сообщать». Подозрения Саши тут же подтвердились: с той стороны, на фоне, прозвучал мужской голос, который сказал девушке: «Да что ты мучаешься с этим лохом?» И Саша положил трубку. Нетрудно догадаться, что это уже не помогло.

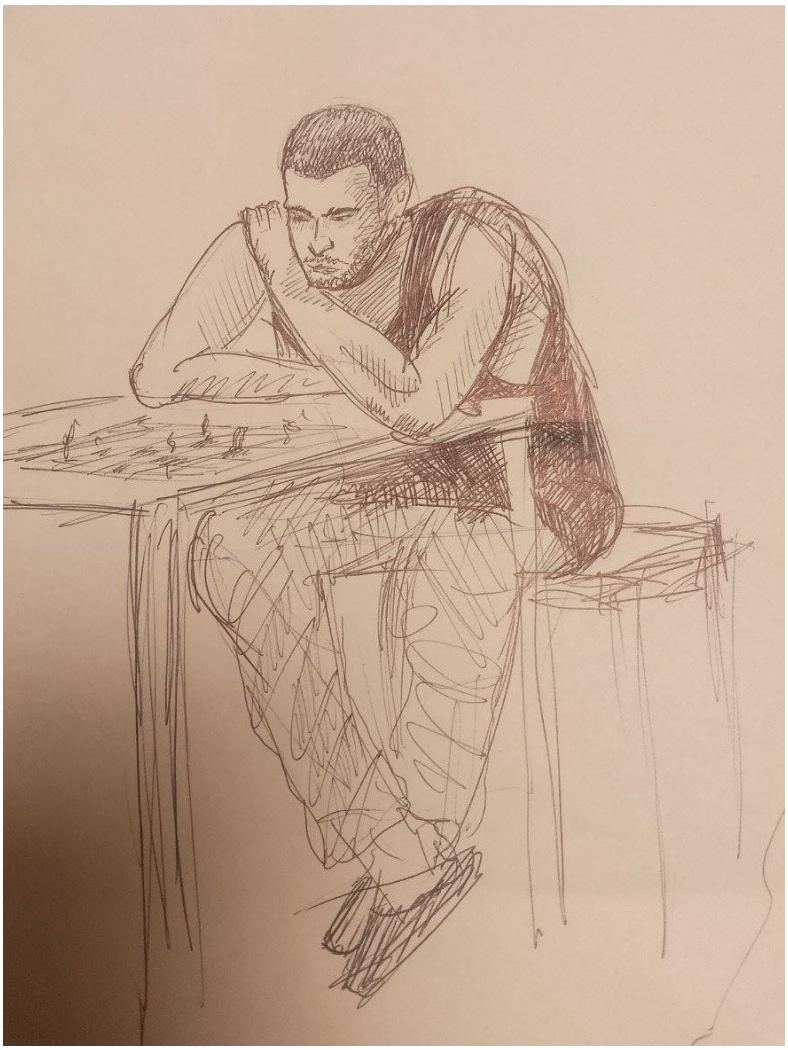
> Вскоре Саше пришло сообщение в Telegram — якобы от службы поддержки банка «Дом.РФ». Служба поддержки поздравляла Сашу с тем, что на его имя в банке был открыт личный кабинет и счет.

В сообщении значился телефонный номер поддержки — и Саша по нему позвонил. Он попытался объяснить, что никакой счет ни в каком «Доме.РФ» он не открывал, а просто его обманули мошенники, и счет он хотел бы закрыть. Вежливый оператор, выслушав нервничавшего Сашу, сказал, что соединит его с сотрудницей почему-то «Роскомнадзора». Вскоре на том конце Саша снова услышал женский голос — девушка представилась

Екатериной. Екатерина настоятельно попросила Сашу скачать мессенджер «Макс», и мало соображающий Саша послушно пошел его устанавливать.

Когда это было сделано, перезвонила Екатерина — оказалось, что счет Саши не только не закрыт, но на него уже поступили откуда-то 300 тысяч рублей. И не только поступили, но уже и были сняты — 160 тысяч уже отправлены на некий «обменник», с которого якобы ушли на нужды Украины. «Мне было объявлено, — рассказывал потом Саша, — что мои действия подпадают под «государственную измену» и что я буду осужден на срок от 12 лет. Затем Екатерина попросила установить мне на телефон приложение «Яндекс-мессенджер», где со мной связался представитель «Росфинмониторинга», который представился «Алехиным Александром Николаевичем» (Alehin-alexanderros@yandex.ru)».

«Представитель Росфинмониторинга», присланный «сотрудницей Роскомнадзора», оказался на редкость приятным собеседником: он был мил и заботлив и даже предложил отмазать Сашу от тюрьмы. Правда, для этого Саше надо было положить на свой свежеоткрытый счет 160 тысяч рублей. Машинист манипулятора Саша из семьи с пятью детьми, конечно же, таким богатым не был.

Саша. Рисунок из личного архива

Не было у Саши ста шестидесяти тысяч, а было только сорок. Еще тридцать он занял у друга — но на этом источники материальной помощи были исчерпаны. Эти 70 тысяч Саша и перевел через криптообменник по реквизитам, которые прислал ему Алехин. Узнав, что денег больше нет, Алехин стал успокаивать паникующего Сашу: государство, мол, тебя в беде не бросит: «Так как остаток суммы собрать у меня не получилось, он мне предложил «перекрыть» его «государственными деньгами». Для этого мне нужно было встретиться с якобы внештатным сотрудником — незнакомой девушкой — и забрать у нее посылку с деньгами и осуществить перевод через крипто-кошелек «в пользу государства».

В час дня 5 февраля у метро «Парк Победы» к Саше подошла девушка в синих штанах и леопардовом пальто. Саша назвал пароль. Девушка молча отдала ему черный конверт с деньгами

и так же молча удалилась.

То, что жизнь Саши становилась всё больше похожа на плохой шпионский роман, никаких особых чувств у него не вызывала — он просто хотел, чтобы всё быстрее стало, как было. Он перевел деньги по тем же реквизитам и понадеялся, что от него отстанут.

Но, увы: после «Роскомнадзора» и «Росфинмониторинга» Саше позвонил человек, представившийся «сотрудником ФСБ». Он сказал, что никаких вопросов к Саше у «ФСБ» больше нет — но вопросы остались у «военной контрразведки». Это означало, что служба Саши на пользу государства не окончена.

Потом снова позвонил Алехин: «Мне поступил звонок в «Яндекс-мессенджере» от Алехина, и он мне сообщил, что с ним свяжутся из военной контрразведки, и он мне сообщит, что делать. Примерно через час он мне перезвонил и сообщил, что для «восстановления кредита доверия государства» мне нужно выполнить ряд заданий, скомпрометировать украинскую сторону и подорвать поезд. Я согласился на это.

<…>

> Около 16 часов того же дня Алехин позвонил и сказал, что пришли данные из военной контрразведки, те хотят, чтобы я выполнил задание, чтобы восстановить кредит доверия в глазах государства.

Сначала мне в телеграме пришло сообщение с текстом присяги на верность Российской Федерации, который я должен был сказать на видеозвонке.

Около 16 часов 30 минут того же дня по видеозвонку я дал присягу, произнес слова из текста типа: «Я благодарю федеральную службу безопасности и военную контрразведку за возможность послужить на благо Родины и оправдать свое имя. Слава России!»

Далее мне была направлена инструкция со списком необходимых для поджога материалов (…)» (из протокола допроса).

О том, что творилось с Сашей в эти дни, потом рассказывала матери его младшая сестра. Говорила, что брат всё время был на телефоне — звонили постоянно и безостановочно. Звонили с утра и вечером, звонили на работе — когда самым главным для него была сосредоточенность: надо было ничего ни на кого с манипулятора не уронить. За три дня Саша постоянно оставался на связи с пятью разными людьми.

Саша не ел и не спал — приходил домой, запирался в дальней комнате и разговаривал вполголоса по телефону. Сестра просила: «Сань, ну объясни, что происходит?» Но брат ничего не говорил — уже гораздо позже рассказывал, что многочисленные собеседники постоянно напоминали ему о необходимости хранить молчание. Говорили, что всё происходящее с Сашей — государственная тайна, и разглашать ее нельзя. И всё время чего-то требовали и напоминали о пользе для родины. Так что когда Алехин потребовал от Саши поджечь локомотив, Саша согласился уже по инерции: «Ну я же думал, что я теперь в их рядах. Я же теперь их подчиненный, — объяснял он семье потом. — И я думал, что приказы не обсуждаются. Я действительно верил, что надо помочь нашей стране».

«Помогать стране» Саша поехал вечером 5 февраля. Он начал собирать вещи — подошел к сестре и спросил: «Как ты думаешь: если я бензин налью в пятилитровку для воды, с ней ничего не произойдет?»

— Саша, уже темно, куда ты собрался? — нервничала сестра.

— Молчи, ничего не говори, — отвечал брат.

Часа за два до отъезда в квартиру позвонили. Двое в штатском, которых Саша завел в квартиру, представились участковыми — сказали, что были в соседней парадной, и местные жильцы пожаловались, что в квартире у Афанасьевых шумно. Прошлись по комнатам, удостоверились, что никакого шума в квартире нет, попросили у Саши паспорт, протянули какую-то бумагу, которую требовалось подписать, — он подписал. А на прощание задали вопрос, который очень не понравился Сашиной сестре. Спросили: «Вас случайно телефонные мошенники не беспокоят?» «Нет», — ответил Саша. Закрыл дверь и продолжил собираться.

— Куда ты собираешься? — снова попыталась спросить сестра.

Брат опять не ответил.

> Зазвонил телефон — он снова ушел разговаривать в дальнюю комнату. «Мама, он кричал!» — рассказывала потом девушка матери. Кричащим брата они до этого не видели и не слышали никогда. — Он крикнул что-то вроде «Я не могу!».

Всё затихло, Саша вынес к порогу рюкзак. Сестра снова спросила, куда он собрался. Брат завел ее в ванную и включил воду.

— Я работаю на ФСБ, — сказал он сестре. — Я не могу тебе ничего рассказать. Потому что они приказали молчать и сказали, что

меня будут проверять на детекторе лжи.

Сестра не поняла вообще ничего. Саша ушел в комнату доодеваться. Потом вышел, обнял на прощание и сказал: «Сестренка, всё будет хорошо. Если что, звони родителям. Я тебя очень люблю».

Саша в детстве. Фото: личный архив

— Скажи, куда ты идешь!

Снова не отвечая, Саша написал на бумажке адрес электронной почты Алехина и ушел.

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ О ПРИВЛЕЧЕНИИ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО:

«Афанасьев Александр Алексеевич совершил диверсию, то есть поджог, направленный на разрушение и повреждение транспортных средств, если эти действия совершены в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации, повлекший причинение значительного имущественного ущерба.

<…> в период с 2 часов 34 минут 05 февраля 2026 года по 23 часа 17 минут 05 февраля 2026 года Афанасьев А.А., продолжая реализовывать преступный умысел, направленный на совершение диверсии, выполняя указание неустановленного лица, прибыл к парку моторвагонного депо ТЧ-15 Санкт-Петербург-Балтийский (Финляндская площадка) по адресу: г. Санкт-Петербург, ул. Чугунная, д. 18, стр. 2, где произвел разведку местности вблизи планируемого места совершения преступления.

После этого в период времени с 23 часов 17 минут 05 февраля 2026 года по 23 часа 45 минут 05 февраля 2026 года Афанасьев А.А., действуя из иной личной заинтересованности, продолжая выполнять принятые на себя обязательства и следуя указаниям, получаемым от неустановленного лица, имея умысел на совершение поджога, направленного на разрушение и повреждение транспортных средств в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации, имея при себе рюкзак, содержащий ранее изготовленную зажигательную смесь, находящуюся в

полимерной канистре с примерным объемом 5 литров, два газовых баллона, бокорезы, молоток-гвоздодер, зажигалку и болторез, пешком прибыл к тракционному пути № 14 парка моторвагонного депо Т4-15 Санкт-Петербург-Балтийский (Финляндская площадка), расположенному по адресу: г. Санкт-Петербург, Лесной пр-т, д. 25, где по ранее предоставленным неустановленным л и ц о м сведениям определил непосредственный объект преступного посягательства — находящийся там головной вагон ЭТ2М № 043-01, после чего, используя указанный молоток- гвоздодер, выбил лобовое стекло кабины данного вагона, бросил внутрь кабины два газовых баллона, залил в кабину около 5 литров ранее изготовленной зажигательной смеси, далее, используя зажигалку, воспламенил названную смесь и тем самым совершил поджог, направленный на разрушение и повреждение головного вагона ЭТ2М №о 043-01, принадлежащего открытому акционерному обществу «Российские железные дороги» (далее — ОАО «РЖД» (ИНН: 7708503727)), в результате которого произошло полное термическое повреждение: кабины машиниста электропоезда, лакокрасочного покрытия стен и потолка кабины, отделки кабины машиниста и аппаратов управления электропоезда, служебного тамбура, лакокрасочного покрытия стен и потолка служебного тамбура, отделки тамбура и термическое повреждение электропроводки.

В результате указанных действий Афанасьев А.А. и неустановленное лицо причинили ОАО «РЖД» (ИНН: 7708503727) значительный имущественный ущерб в размере не менее 579 483 рублей 74 копеек.

> Указанными действиями Афанасьев А.А. совершил преступление, предусмотренное пунктом «б» части 2 статьи 281 Уголовного кодекса Российской Федерации».

* * *

Когда Саша ушел из дома, его сестра вскоре услышала скрип в замочной скважине. Успела обрадоваться: вернулся! Но это был не брат — двое незнакомых мужчин ковырялись в замках. Один — во входной двери в квартиру, другой — в двери на этаж. Оба ушли так же быстро и внезапно, как появились.

Ближе к полуночи, когда родители уже спали, начал звонить телефон Сашиного отца — звонил сам Саша. «Пап, меня сейчас или убьют, или посадят».

— Сань, объясни.

— Я поджег электричку.

— Зачем?

— Не знаю. Я не могу этого объяснить.

— Где ты? Куда ты собираешься ехать?

— Сдаваться.

Сашина мать, Яна, уже многое знала про истории с поджогами релейных шкафов. «Никуда не езди, пока мы не найдем тебе адвоката», — предупредила она сына. Потом позвонила дочери. «Мам, они уже на лестничной площадке», — сказала та. Снова позвонили Саше: «Тебя уже ждут. Не возвращайся домой, пока

не найдем адвоката».

До утра обзванивали все правозащитные проекты, какие знали, — адвокат нашелся и ответил на звонки только к утру. «Позвоните по этому номеру, попросите записи с камер наружного наблюдения», — тут же сказал он. Позвонили. «Ой, — ответил извиняющийся голос, — вы знаете, все камеры в этих местах в указанные дни не работали. Какой-то технический сбой».

Днем Саша был задержан.

Сережа

А Сережа Сахаров очень любил театр. С утра до ночи он пропадал на репетициях в местном культурном центре. Хотя в последнее время, как вспоминает теперь мать, гореть театром стал тусклее: начались разногласия с режиссером, который диктовал свободолюбивому Сереже, как играть. Подчиняться Сережа не умел и начал думать о переходе на какую-нибудь другую должность — на машиниста сцены, например. Тем более что эта специальность входила в «перечень видов работ, профессий и должностей, на которых могут быть заняты граждане, проходящие альтернативную гражданскую службу».

Сережа. Фото: личный архив

О гражданской службе они с матерью договорились, еще когда Сереже было 17 лет. Просто сели на кухне, заговорили о планах на будущее и поняли, что в армию Сережа не пойдет. Собрали документы, подали заявление, приехали на комиссию — и не сошлись взглядами с военкоматом.

Обжаловали решение военкомата в суде — суд в октябре 2024 года вынес решение о том, что: «сформированные устойчивые, искренние и глубокие убеждения, подтверждающиеся в образе жизни Сахарова С.А., характере его социального поведения на протяжении значительного периода времени, которым бы противоречило несение военной службы, делало бы невозможным ее прохождение, своего объективного подтверждения не нашли; представленная к заявлению о замене военной службы по призыву альтернативной гражданской службой автобиография конкретных проверяемых

сведений об этом не содержит, позиция административного истца о наличии у него прочно сложившихся пацифистских и морально-этических убеждений изложена лишь в его административном иске, объяснениях, в заявлении и автобиографии (документах, которые исходят непосредственно от призывника); другими доказательствами, в частности, характеристикой, материалами личного дела призывника, указанные доводы не подтверждаются.

На основании изложенного и руководствуясь .ст. 175-180 КАС РФ, суд

РЕШИЛ:

В удовлетворении исковых требований Сахарова С.А. — отказать».

Сережа на сцене. Фото: соцсети

Длинную и вязкую историю борьбы за право не брать в руки оружие мать Сережи называет теперь просто: «Бодался теленок с военкоматом». Потом был конец осени, потом — Новый год, длинные праздники. И всё было как обычно, пока в один из дней после каникул Сереже вдруг не позвонил якобы оператор МТС. Якобы оператор сказал, что Сереже надо продлить договор на обслуживание — и для этого назвать код, который придет ему по СМС. Сережа код назвал. Сережин кабинет на Госуслугах тут же оказался взломан.

Дело Сережи Сахарова — закрытое, поэтому о том, что именно говорили ему дальше постоянно названивавшие якобы операторы и якобы эфэсбэшники, можно судить только по пересказам матери. Впрочем, ее в суть дела тоже особо не посвящали. По ее словам, Сереже сказали, что против него возбуждено два уголовных дела, и чтобы избежать ответственности по ним, он «должен совершить поступок во имя Родины с помощью сотрудников ФСБ».

Утром 18 января Сережа как ни в чем не бывало проснулся в своей кровати. Это позже семья узнает, что он, оказывается, в период с 18:56 часов 17 января по 06:46 часов 18 января прибыл на железнодорожную станцию «Ручьи» и поджег там тепловоз. «РЖД» оценила ущерб в 6 513 185 рублей 98 копеек, а суд спустя полтора года признает его виновным по статье 281 ч. 2 УК РФ («диверсия»). Но вечером 18 января ничего в поведении Сережи на диверсантство не указывало — он со своей девушкой и матерью спокойно сидел и пил на кухне кофе. В общем, был день как день — пока в ночь на 19-е в квартиру к Сахаровым не вломился тяжеловооруженный отряд ОМОНа и не объяснил Сереже, что он диверсант. Как обычно, силовики выложили видео задержания:

— Кто вам сказал это совершить? — спрашивает на нем один из омоновцев.

— Украинские спецслужбы, — послушно отвечает Сережа. — О которых я не знал.

* * *

Мать Сережи Ирина говорит, что не помнит трех дней своей жизни — первых после задержания сына. Помнит, что на третий день муж поднял ее с дивана и заставил поесть. Еще говорит, что самым тяжелым за все время судов и стояний под стенами СИЗО — было впервые увидеть сына в наручниках.

На третий день Ирина встала, села за компьютер и стала писать всем правозащитникам и журналистам, чьи контакты смогла найти. Просила помощи, просила совета, просила объяснить: что делать, куда идти, о чем просить, как собрать первую передачу. Потом, в очереди у «Новых Крестов», кто-то опытный возьмет ее за руку и проведет по всем кругам бюрократического ада. Теперь она сама водит других.

Теперь она сама собирается быть правозащитницей. Прошла несколько учебных курсов, ездит на круглые столы, посвященные проблеме молодых людей и подростков, признанных террористами и диверсантами. Следит за статистикой по этим делам, пытается понять, какие перспективы у ее сына. И говорит: «А может быть, это его Бог от чего-нибудь более страшного уберег».

СИЗО №1 Санкт-Петербурга. Фото: Петр Ковалев / ТАСС

Главное, что поняла, — нужно добиваться, чтобы Сережу признали жертвой психологического насилия.

И это действительно главное, чего необходимо добиваться адвокатам и правозащитникам, занимающимся многочисленными делами молодых 205-ников и диверсантов. И главное, что успешный прецедент уже был: в январе 2026 года Ева Меркачева написала о том, что герой одной из ее статей, 14-летний подросток-диверсант, признан жертвой психической атаки. Его дело было закрыто, родителям было необходимо выплатить компенсацию за материальный ущерб, но сам подросток был отпущен домой.

Разница между делом, описанным Меркачевой, и делами Саши Афанасьева и Сережи Сахарова если и есть — то только возрастная: Саша и Сережа старше. Вся остальная схема отрабатывалась на них пошагово так же, как была она отработана на герое рассказа Меркачевой.

> Но Сережа никакой жертвой признан не был — ему дали 12 лет. Саша своих судов еще ждет. И таких, как они, по всей стране — сотни.

Все четыре с лишним года «Новая» регулярно писала о тех, кого признали террористами и диверсантами за поджоги, и о том, как устроены их дела. Мы писали, что такие заключенные не интересны ни медиа, ни правозащитникам — потому что их слишком много и потому что они, не отстаивавшие своих идеалов, не имеют шансов стать фигурами публичными. Мы писали об их одиночестве, о брошенности, о сломанных судьбах.

Дальше мы собирались писать о том, что можно и нужно сделать для них — но не успели. Успеем сказать только о двух необходимых мерах:

1. В большинстве случаев их необходимо признавать жертвами психологического давления. Жертвами — а не организаторами. При этом ни один «куратор», управлявший действиями подростков через мессенджеры, ни один организатор до сих пор не был задержан.
2. Дела по статьям 205 и 281 должны быть пересмотрены. Потому что составы преступлений, за которые начиная с 2022 года людей признают террористами и диверсантами, до этого времени проходили по совсем другим статьям — по статьям о хулиганстве и порче имущества.

Это нужно сделать в первую очередь, как только появится возможность. Но пока возможности нет: страна сидит. Сидят и сотни подростков, сидят Саша и Сережа. Саше не дают ни свиданий, ни писем, ни его лекарств — антидепрессантов и обезболивающих, без которых он не может спать и постоянно

чувствует сильнейшую головную боль.

Их мамы ночуют под «Крестами» и другими изоляторами, записываясь в очереди на свидания и передачи, оказываясь иногда и 80-ми, и 90-ми по счету.

Город снова болтается ненужным привеском возле своих тюрем. И не только Петербург — вся страна.